

СОЧИНЕНИЕ ЖИЗНЬ СПУСТЯ

«Клиенты разврата» знают, что делать?

Общая газ. - 1995 -
12 окт. - с 10.

И АВЕРНОЕ, немного найдется в мировой литературе книг со столь длинной и скандальной историей прочтения разными поколениями читателей. Роман был опубликован весной 1863 года и на следующие 40 лет стал произведением нелегальным, запрещенным. С запрещения началась его бурная и скандальная слава. Это был бестселлер XIX века.

В 1879 году профессор Новороссийского университета в работе «Что делали в романе «Что делать?» возмущался: «За 16 лет пребывания в университете мне не удалось встретить студента, который бы не прочел знаменитого романа еще в гимназии; а гимназистка 5-6 класса считалась бы душой, если бы не ознакомилась с похождениями Веры Павловны (иногда по совету своего учителя в гимназии)». Конечно, мгновенно возникшей славой и популярностью роман обязан тому, что автор его сидел в это время в Петропавловской крепости. Кроме того, в романе описывались реалии петербургской жизни — фиктивные браки с целью дать образование девушкам против воли их родителей; семейные треугольники литераторов (Панаевы и Некрасов, Шелгуновы и Михайлов и др.). Молодежь принимала, как сказали бы сейчас, снятие «табу с запретных тем» с энтузиазмом и восторгом. Люди старшего поколения, разумеется, осуждали и проклинали. Роман, набивший оскомину поколениям советских школьников снами Веры Павловны, швейными мастерскими и гвоздиками Рахметова, был прочитан современниками как эротический. «Сцены грубейшей чувственности оправлены в намеки о независимости, — писал современный критик, — окрашены в тирады о свободе, о любви к бедным, об интересах науки и проч. Заботливо из романа изгнаны две вещи: совесть и понятие обязанности».

Героев книги «Что делать?» называли «клиентами разврата», провозгласившими «философию скотоподобия». «Ведь есть же у нас смиренные дома, исправительные заведения, есть отдаленные и глухие обители: туда их, под строжайший надзор... да посадить их на урочную работу, да не давать ни есть, ни пить... пока не выйдет из головы эмансипированная дурь. А если и этим их не проймешь, — возмущался редактор журнала «Домашняя беседа», — то есть дорога и подальше».

И какой же молодой человек, прочитав эти строки, не призожит всех сил, чтобы раздобыть это «возмутительное сочинение»,

этот роман о «революции» в семейной жизни или, как сегодня говорят некоторые его читатели, — о сексуальной революции!

В чем современники увидели аморализм? В том, что героиня соглашается на формальный брак, не только не советуясь с родителями, но даже втайне от них. Молодые обвенчались без родительского благословения и вообще без участия родителей в их жизни. Дмитрий Лопухов как бы украл невесту из ее семьи — по договоренности с девушкой.

Современный читатель вряд ли знает, что в российском уголовном законодательстве того времени за похищение незамужней женщины для вступления с ней в брак с ее согласия полагалось: похитителю — от полугода до года тюремного заключения, похищенной — монастырь на тот же срок, а священнику, благословившему противозаконный брак, — «извержение из сана». Но подобные судебные дела на практике тянулись долго и, как правило, обвенчанных уже не разлучали.

Дальше в романе происходит событие еще более безнравственное! Через три года фиктивного брака герой, наконец-то, вступает в супружеские отношения, и очень скоро героиня, вкусившая плодов с древа познания добра и зла, влюбляется в друга своего мужа. Как Дмитрий Лопухов разрешил эту ситуацию, все мы помним со школьной скамьи.

Никто никого в этом «треугольнике» не обманывает, все излагается друг другу начистоту. Лопухов, выяснив все обстоятельства дела, сам принимает решение не мешать чужою счастью. Пожалуй, вот это и шокирует читателей романа больше всего. Знак вопроса вынесен в его название. Но сами герои, кажется, не ведают душевной сумятицы, сердечных мук, ошибок и мук раскаяния. «Да живые ли это люди?» — в сердцах восклицает читатель. — Не гомункулусы ли, выведенные в дистиллированном растворе, спаривающиеся по плану? Отсутствие в героях иррационализма неизбежно воспринимается как отсутствие морали. Хотя у иррационализма героев может быть и другое объяснение — Чернышевский не был силен в изображении движений души. Свой писательский профессиональный недостаток он компенсировал сюжетными решениями.

Сегодня в романе самыми интересными оказались семейные отношения. Или, точнее, новый взгляд на проблему «мужчина и женщина». Проблема, пройдя длительное развитие, ушла далеко и от Чернышевского, и от его героев, и от реальных «новых лю-

дей» 60-х годов прошлого века. Кого удивишь нынче фиктивными браками, семейной жизнью втроем или в иных, более интересных комбинациях? Кстати, о «треугольнике». Так и не разрешенный невинными тинэйджерскими мозгами вопрос: жили или нет втроем Вера Павловна, Лопухов и Кирсанов? Вроде бы героиня, как мы видели, отвергла такой способ решения проблемы. Нам, в наши школьные годы, тоже казалось, что она имела супругом последовательно сначала Лопухова, потом Кирсанова. (Все-таки юность более склонна к добродетели, чем зрелость.) Нынешние молодые читатели трактуют этот эпизод иначе. И сны Веры Павловны они читают совсем не так, как нас учили в школе, вернее, совсем не о том... Почти как опять-таки в третьем сне Веры Павловны: к ее дневнику прикасается неизвестная дама, и сквозь Верочкину записку проступала иная — о том, что Верочка не посмела написать. Вот, например, одна из этих «двойных» записей: «Ночью мне приснился страшный сон... я начала стонать. Миленский услышал этот стон и вошел в мою комнату... Миленский был моею горничною. Так было стыдно. Но он такой скромный, только поцеловал мое плечо».

— Будто только это написано? Меня не обманешь, читай... — опять под рукою гости выступают новые слова, и Вера Павловна против воли читает их: «А ведь это даже как будто обидно».

Чем не эротический подтекст?! И вообще в этих снах так много оказывается любви и страсти! «У него натура, быть может, более пылкая, чем у меня. Когда кипит кровь, ласки его жгучи. Но есть другая потребность, потребность тихой, долгой ласки, потребность сладко дремать в нежном чувстве. Знает ли он ее? Сходны ли наши натуры, наши потребности? ...Люблю ли я его такую любовь, какая нужна мне? Прежде я не знала этой потребности тихого, нежного чувства — нет, мое чувство к нему не...» В этом месте сна Верочка отбрасывает дневник с потаенными мыслями, которых она боится, потому что в ней просыпается чувство к другому мужчине — Кирсанову. Эротический подтекст — или обычные нравственные проблемы и любовное смятение? И где граница между эротическим подтекстом и любовным смятением? Впрочем, это уже из дня сегодняшнего. А значит — современного молодого читателя ждут новые открытия.